

РАЗДЕЛ 2. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУР

УДК 821.161.1Ш – 343.09:398.21

Козленко Н.В.

БЫЛИНА КАК ИНТЕРТЕКСТ В СКАЗКЕ Е. ШВАРЦА «ДВА КЛЕНА»

В статье анализируется характер, содержание и функции былинного интертекста в художественной структуре пьесы-сказки Евгения Шварца «Два клена».

Ключевые слова: интертекст, былина, мотив, богатырь, эпическая мать, духовно-нравственные ценности народа

У статті аналізується характер, зміст і функції былинного інтертексту у художній структурі п'єси-казки Євгена Шварца «Два клени».

Ключові слова: інтертекст, былина, мотив, богатир, епічна мати, духовно-моральні цінності народу

The character, contents and functions of the Russian epic intertext in art structure of the play – fairy tale «Two maples» of E. Shvarts is analyzed in the article.

Key words: intertext, Russian epic (bylina), motive, Huge-Wealthy man, the epic mother, cultural-moral wealth of the nation

Постановка проблемы. Пьеса-сказка «Два клена» была написана Евгением Шварцем в 1953 году и адресована самым маленьким зрителям. Анализируя пятидесятилетнюю историю развития советской детской литературы, И.П. Лупанова отмечает, что «глубинная сущность этого произведения – одна из самых откровенно дидактичных: ребенку нужно слушать и уважать маму» [1, с. 431]. Но пьеса – не скучное нравоучение. Органичное сочетание условно-сказочного и реально-человеческого позволило драматургу превратить рассказ о непослушных сыновьях в интересный, но серьезный разговор «об ответственности маленького человека за свои поступки» [1, с. 432].

Пьеса-сказка затрагивает широкий круг духовно-нравственных ценностей, которые связаны, в первую очередь, с главной героиней – Василисой-работницей. А.Я. Бруштейн справедливо отмечает: «...в «Двух кленах» на большую высоту поднят образ Василисы – работницы, матери, героической и мудрой в своей любви к детям, сильной своей неразрывной связью со всем тем, что есть доброго и благородного в мире» [2, с. 96]. Идейным «центром» характера Василисы являются вековые, отточенные народом естественные, природные законы жизни, дающие духовную гармонию. В.Н. Дмитриевский приходит к совершенно справедливому выводу: «Поэтический образ матери как бы символизировал гордость и прекрасное величие Родины, любовно воспитывающей юных богатырей» [3, с. 365].

Высокого уровня монументальности, символичности и величия в характеристике Василисы-работницы драматург достигает через введение целой системы перекличек с русским народным героическим эпосом, былиной. На интертекстуальную природу главной героини сказки, неразрывную и органичную ее связь с фольклорной традицией указывает И.П. Лупанова: «...писателю удалось создать необыкновенно обаятельный образ матери героев – Василисы-работницы, женщины, в которой воплощены все качества, испокон века окруженные ореолом в народной поэзии: мужество, трудолюбие, мудрость, благородство и великая сила материнской любви» [1, с. 432]. **Цель** нашей статьи – проанализировать характер, содержание и функции былинного интертекста в художественной структуре пьесы-сказки Е. Шварца «Два клена».

Первая же встреча с Василисой отсылает читателя к героическому прошлому народа, к былинным текстам: «На поляну выходит высокая крепкая женщина лет сорока, за плечами мешок, на поясе – меч. Это Василиса-работница.

Ф е д о р. Мама, мама! Да какая же ты печальная!

Е г о р у ш к а. А волосы-то серебряные.

Ф е д о р. А глаза-то добрые.

Е г о р у ш к а. А у пояса отцовский меч» [4, с. 248].

С одной стороны, драматург несколькими штрихами подчеркивает, выделяет функцию героини как женщины-матери, хранительницы семейного очага, любящей и нежной. Это добрые глаза и безмерная любовь к своим детям, которой наполнены ее слова: «Егорушка, сынок! Феденька, родной! Это мама вас по всему свету ищет, а найти не может» [4, с. 248].

С другой стороны, наличие меча у пояса характеризует ее как женщину-воина, богатырку. Подтверждение этому мы находим в рассказе Василисы о своем муже: «Муж мой был воин, Данила-богатырь. Ты о змее Горыныче слыхал?

М е д в е д ь. Как не слышать! Он деда моего, мимолетом, для смеха, взял да и опалил огнем.

В а с и л и с а. А мой Данила-богатырь Змея Горыныча убил, да и сам в том бою голову сложил. Стали мы жить вчетвером: я да три сына...» [4, с. 249].

То, что Шварц называет мужа Василисы богатырем с отсылкой к традиционному мотиву змеборства, на наш взгляд, не случайно. Мотив змеборства – один из самых распространенных в фольклоре. Но в сказочно-мифологических повествованиях и «догосударственном» эпосе герой «борется со змеями или аналогичными чудовищами за женщину, которое это чудовище похитило у героя» [5, с. 189]. С появлением государства чудовище «начинает терять свои мифологические черты и приобретает новый характер, идущий не из мифологии, а из исторических отношений» [5, с. 188]. Данило-богатырь, подобно Добрыне (былина «Добрыня и Змей»), – защитник, освободитель земли от губительных налетов змея. Поэтому Василиса, принимая «богатырский» меч своего мужа, становится носителем «богатырских» ценностей и функций. Василиса выступает на защиту не только своих личных, индивидуальных, семейных интересов, она борется против несправедливости, зла, лжи и коварства, даже если оно направлено не против нее и ее семьи. Так, освобождая своих сыновей от чар Бабы-яги, она освобождает и всех обитателей леса от ее тирании.

Как истинного богатыря, Василису нельзя соблазнить и подкупить. Так, в конце пьесы героиня забирает Бабу-ягу с собой: «...дома всем миром решим, что с тобой делать» [4, с. 290]. На увещевания «злодейки» отпустить ее («...я тебе все золото отдам!» [4, с. 290]) Василиса отвечает решительным отказом. Этот диалог отсылает читателя к разговору Ильи Муромца с Калином, который предлагает богатырю изысканные яства, дорогую одежду, золотую казну, чтобы тот не служил князю Владимиру, а служил ему, царю Калину. На это предложение Илья Муромец отвечает:

«...Не буду держать твоей бесчисленной золотой казны,
Не буду служить тебе, собаке, царю Калину,
Еще буду служить я за веру, за отечество,
А й буду стоять за стольный Киев-град...» [6, с. 162]

Помимо богатырских качеств, Василиса обладает и качествами «эпической» матери. Она мать богатырей (Егорушки, Феденьки, Иванушки), и хотя они еще очень малы и слабы, драматург не дает ни одного повода читателю усомниться в их подлинно-богатырской сущности. Мать героя, богатыря – типовой персонаж в былинных текстах. Для эпической матери характерны черты вещей женщины и мудрой советчицы. Б.Н. Путилов пишет: «Мать воплощает понятия дома, рода, семьи, она наделена мудростью и провиденциальным знанием, ...дает мудрые советы, предупреждает об ожидаемых опасностях, ...наставляет в моральном плане, судит за неправильные поступки. На ее же долю выпадают эмоциональные переживания, оплакивание погибших, принятие вестей о поражениях и т.п.» [7, с. 106]. Являясь хранительницей моральных устоев, традиционных обычаев, которые эпическая мать стремится передать своему сыну, она наставляет богатыря, рассказывает о последовательности дел согласно «старому закону». Объясняет древние законы своим сыновьям и Василиса: «Выедешь на распутье, а там камень, а на камне надпись – что ждет путника на тех путях. Богатырь должен на всем скаку, не слезая с коня, прочесть надпись и выбрать правильный путь» [4, с. 250].

Мотив выбора правильной дороги характерен, в частности, для былины о битве Алеши Поповича с Тугариным. Богатырь выезжает из Ростова и на перекрестке трех дорог видит камень:

«...Первая дорога во Муром лежит,
Другая дорога в Чернигов-град,
Третья ко городу ко Киеву...» [8, с. 244].

Анализируя мотив «витязя на распутье» в этой былине, В.Я. Пропп пишет: «Названия городов могут варьироваться, но неизменно во всех вариантах фигурирует Киев. Алеша всегда выбирает Киев. Этот камень является как бы символом, определяющим не внешнюю (выделено автором) дорогу Алеши, а его жизненный путь. Момент раздумий у подорожного камня решает вопрос, быть ли ему героем или нет. Выбирая путь на Киев, Алеша выбирает путь бессмертия и героизма» [5, с. 62-63]. Е. Шварц несколько трансформирует эту традицию, исключив момент «раздумья». В этом четко прослеживается позиция драматурга, основным содержанием творчества которого стала «трудная рыцарская любовь к людям». Для Шварца не может быть иного пути.

Кроме того, Василисе присуще и вещее знание. Так, она все время чувствует присутствие своих сыновей и легко находит их, несмотря на то что они превращены в клены: «Два года я шла без отдыха, а сейчас так и тянет отдохнуть, будто я вас уже и нашла» [4, с. 248]; «Я еще вчера в шелесте вашем почувала родные голоса, на сердце у меня стало спокойнее» [4, с. 276].

Характерным для былины является мотив родительского благословения на выезд из дома, который иногда сопровождается запретом или предупреждением. Анализируя былины о Добрыне-Змеборце, Ю.И. Юдин отмечает: «...в свете будущей, как будто бы непреднамеренной и все-таки предопределенной встречи богатыря со Змеем становится ясно, что смысл требований и просьб благословить его не в них самих, а в том, чтобы дать повод матери высказать запрет или произнести предсказание» [9, с. 15]. Этот мотив четко прослеживается в сказке Е. Шварца, когда оба старших сына приходят к Василисе с утверждением о том, что они уже стали богатырями, и просьбой (хотя и невысказанной, однако закономерной по логике повествования) отпустить их на свершение ратных подвигов.

Здесь, на наш взгляд, следует отметить такой момент: одним из сюжетных компонентов истории жизни богатыря является рассказ о его детстве, в частности – о состязаниях или испытании богатырской силы, результаты которых как бы подтверждают готовность богатыря оставить родной дом и отправиться в «широкий мир». Такое испытание проходят и сыновья Василисы: «...Исполнилось Федору тринадцать лет, и пошел он стадо встречать. А козел у нас был строгий, что твой дикий. Встал он на быдки – и на Федю. А Федя его за рога – да и оземь. Возвращается сын домой: так и так, мама, я – богатырь... Прошло три года – исполнилось Егорушке тринадцать лет. И напал на него бык. А Егорушка его за нос – да на цепь. Приходит ко мне: так и так, мама, я – богатырь» [4, с. 250].

Однако физическая сила является только одной из составляющих силы «богатырской», о чем и говорит своим сыновьям Василиса, произнося «предсказание и запрет»: «...опомнись, мальчик! Какой же ты богатырь – ни силы, ни умения, ни грамотности. Злодей твои годы считать не станет, а только порадуется твоей слабости... погоди! Придет твое время – сама тебя отпущу» [4, с. 250]. Следует подчеркнуть, что вопрос о грамотности богатыря играл важную роль в былинной традиции. Так, мать Добрыни старается дать ему самое лучшее воспитание и образование:

«...Стал ходить Добрыня во божью церковь,
Стал учиться божьей грамоте.
Ходил он, училсе три года,
Выучилсе божьей грамоте» [10, с. 145].

Характеризуя образовательный и культурный уровень Добрыни, В.Я. Пропп отмечает: «Добрыня ...обучен не только чтению и письму. Он прекрасный певец и играет на гусях. ...Он играет в шахматы... выступает как искусный стрелок и сильный боец. В лице Добрыни народ воплотил те качества, которые он в совокупности обозначил словом «вежество». В понятие «вежество» входит не только все то, о чем уже упоминалось, но и искусство обладания внешними формами в обращении людей друг с другом» [5, с. 177].

В одном из вариантов былины о Дюке Степановиче именно незнание законов, внешних форм в обращении с людьми, грамотности является причиной материнского запрета на выезд из дома:

«Молодешенек ты, зеленешенек,
Не умеешь ты с людьми сойтись-съехаться,
Не умеешь с ними поздороваться» [11, с. 121].

Предсказания Василисы сбываются [4, с. 250], что характерно для многих былинных текстов («Добрыня и Змей», «Добрыня и Маринка» и др.). Ее старшие сыновья терпят неудачу и попадают в плен именно потому, что пренебрегли советами матери.

На первый взгляд, Шварц трансформирует былинную традицию, так как эпический герой, богатырь, в большинстве случаев преодолевает все преграды и одерживает победу даже вопреки предсказаниям. Однако, как отмечалось выше, основная «богатырская» функция в произведении драматурга принадлежит Василисе. Условно ее можно отнести к старшему, более опытному и мудрому поколению богатырей, тогда как ее сыновья относятся к более молодому поколению «богатырей-малолеток». Так, былина «Данило Игнатевич и его сын» [12, с. 291-296] рассказывает о том, что сын богатыря, Михайло Данилович, действует вопреки предупреждениям и советам отца, поэтому попадает в плен. Данило Игнатевич отправляется выручать сына. Анализируя героический эпос разных народов, Б.Н. Путилов отмечает: «В юнацких песнях малолетки – равноправные богатыри, успешно совершающие свои первые деяния; в былинах же демонстрируется превосходство более опытных и разумных отцов над дерзкой безоглядностью сыновей, которым, однако, воздается должное» [7, с. 74]. Таким образом, в произведении Шварца мы наблюдаем отсылку именно к русской былинной традиции.

Былинный интертекст является одной из составляющих и характеристики антагониста, Бабы-яги. Как отмечает Ю.И. Юдин, в былинах внешние враги «изображены прежде всего как воплощение безнравственной силы зла и вероломства» [9, с. 67]. После первого боя Добрыня со Змеем последний обещает не летать на «Святую Русь», но почти сразу (а в некоторых вариантах прямо на глазах у богатыря) нарушает данное слово, захватив в плен племянницу киевского князя Владимира.

Безнравственность, хитрость, вероломство, стремление «поработить», присвоить результаты чужого труда – основные качества в характеристике Бабы-яги. Обращение же к былинной традиции позволило драматургу сделать этот образ более емким и обобщенным. Примечательно, что, в соответствии с той же эпической традицией (например, царя Калина называют собакой не только князь и богатыри, но и его слуги и он сам [6, с. 161-162]), Баба-яга и не скрывает своих «дурных» качеств, называя себя злодейкой, обманщицей: «Некогда мне дома сидеть... Меня в тысячи мест ждут. Того ограбь, того побей, того накажи ни за что ни про что! Всем я, злодеечка, нужна!» [4, с. 253]; «М е д в е д ь. ...Совести у тебя нет. Б а б а - я г а. Правильно, Миша, и нет и не было» [4, с. 254]; «...где же это видано, чтобы добрые люди над нами, разбойничками, верх брали? Я, змейка, всегда людей на кривой обойду» [4, с. 276].

Выводы. Анализ сказки Е. Шварца «Два клена» показал, что характер ее главной героини, Василисы-работницы, органично соединяет черты типичных персонажей русских былин – богатыря и эпической матери. С одной стороны, обращение к былинному интертексту позволило драматургу

подчеркнуть неизменность и «вечность» роли матери, хранительницы родовых, семейных ценностей, мудрой воспитательницы и наставницы своих детей. С другой стороны, наделение героини «богатырскими» чертами позволило Е. Шварцу придать характеру Василисы новое звучание: в современном мире женщина выходит за рамки индивидуальных семейных интересов, она начинает активно преобразовывать окружающий мир.

Источники и литература

1. Лупанова И.П. Полвека. Советская детская литература. 1917 – 1967. Очерки. – М.: Детская литература, 1969. – 671с.
2. Бруштейн А.А. Размышления у тюзовской афиши // Театр для детей. Сб. статей. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения Р.С.Ф.С.Р., 1955. – С. 81-100.
3. Дмитриевский В.Н. Драматургия для детей // Очерки истории русской советской драматургии. 1945-1967. – Л.: Искусство, 1968. – С. 354-384.
4. Шварц Е.Л. Два клена. Сказка в 3-х действиях // Шварц Е.Л. Позвонки минувших дней / Сост. Крыжановская М.О., Шершнева И.Л. – М.: Корона-принт, 1999. – С. 245-290.
5. Пропп В.Я. Русский героический эпос. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1955. – 552с.
6. Илья и Калин-царь // Былины в двух томах / Подг. текста, вступ. статья и комм. В.Я. Проппа и Б.Н. Путилова. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1958. – С. 150-165.
7. Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. – Л.: Наука, 1988. – 225с.
8. Выезд Алеши из Ростова и Встреча его с Тугариным //Былины в двух томах / Подг. текста, вступ. статья и комм. В.Я. Проппа и Б.Н. Путилова. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1958. – С. 244-248.
9. Юдин Ю.И. Героические былины: Поэтическое искусство. – М.: Наука, 1975. – 120с.
10. Про Добрыню //Былины Печоры и Зимнего Берега: (новые записи) / Отв. ред. А.М. Астахова. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1961. – С. 144-148.
11. Дюк Степанович //Былины Печоры и Зимнего Берега: (новые записи) / Отв. ред. А.М. Астахова. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1961. – С. 121-123.
12. Данило Игнатьевич и его сын //Былины в двух томах / Подг. текста, вступ. статья и комм. В.Я. Проппа и Б.Н. Путилова. – М.: Художественная литература, 1958. – С. 391-396.

Поступила в редакцию 13.07.2005 г.

УДК 821. 161. 1 С – С – 3. 09 "18"

Кравченко Я.П.

КОНЦЕПТ «СТРАСТЬ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ РОМАНОВ С.И. СМИРНОВОЙ-САЗОНОВОЙ

В статье устанавливаются наиболее значимые смысловые составляющие и оценочные характеристики концепта «страсть» в художественном мире романов С.И. Смирновой-Сазоновой.

Ключевые слова: концепт, художественный мир, женская субъективность, самоидентификация

У статті встановлюються найбільш значущі смислові складові та оціночні характеристики концепту «пристрасть» в художньому світі романів С.І. Смирнової-Сазонової.

Ключові слова: концепт, художній світ, жіноча суб'єктивність, самоідентифікація

There are the most considerable meaning components and evaluation characters of a "passion" as a concept in the artistic world of Smirnova-Sazonova's novels being settled in this article.

Key words: concept, artistic world, subjectivity, self-identification

Постановка проблемы. В последнее время все большую популярность приобретает тезис, согласно которому художественный мир писателя представляет собой систему концептов. Суть концепта наиболее адекватно отражена в определении Ю.С. Степанова: это своего рода «сгусток культуры в сознании человека... тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово» [1, с.40]. Правомерность обращения к понятию и феномену концепта в процессе литературоведческого анализа обоснована в работах Д.С. Лихачева [2], Ю.С. Степанова [3], Л.А. Грузберг [4], Е.С. Кубряковой [5]. Художественные произведения являются одними из основных источников формирования и постижения концептов, поэтому вопрос об авторских концептах требует специального исследования.

Романы С.И. Смирновой-Сазоновой отличает четко иерархизированная система концептов, которые в совокупности определяют направленность художественного видения и отражения действительности. Одним из основных, повторяющихся концептов художественного мира писательницы является «страсть». Как известно, повторяется то, что составляет для автора особую значимость в раскрытии его мироощущения. Концепт «страсть», переходя из одного произведения в другое, приобретает собственную семантическую структуру, которая несет большой заряд индивидуально-ассоциативных значений. По мнению Ю.С. Степанова, это объясняется тем, что концепты «не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [1, с.41]. Внутреннее содержание концепта – это своего рода совокупность смыслов, соотношение которых многопланово и